

Николай Васильевич Гоголь

(К 140-летию со дня рождения)

Огромны, необъятны пространства нашей Родины, занимающей одну шестую часть всей суши земного шара. Величаво выгладит она на карте, и нельзя смотреть на нее и думать о ней без восхищения. Много прекрасных, вдохновенных строк посвятил ей в своих творениях великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь. «Здесь ты, в тебе ты, — писал он, — не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему?... У! Какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!»

Беспредельны ее пространства. Было где пройти Ермаку Тимофеевичу, разгуляться вольнице Степана Разина, развернуться патристической запорожской удали, найти могилу недругу.

Много вражеских армий poleglo в попытках поработить ее, завоевать, но Русь как стояла, так стоит и стоять будет, потому что ее защищают, такие богатыри и патриоты, о каких вдохновенно, с восторгом рассказывает Гоголь в повести «Тарас Бульба».

Не смерти боялись товарищи Тараса, вступая в бой, а того, как бы не поработили землю русскую иноземцы. О ней и о чести своей нации думали они, когда бились и когда умирали.

Вот пошатнулся прославленный в походах Мосий Шило, почувствовал смертельную рану, и сказал: «Прощайте, паны-братья-товарищи! Пусть же стоит на вечные времена православная русская земля и будет ей вечная честь!» Геройски погиб мужественный Остап. Как смелый сокол, умер в бою Бовдлог. «Не жаль расставаться со светом! — сказал он, прощаясь с товарищами. — Дай бог и всякому такой кончины».

Пасть в бою смертью храбрых считалось да Руси хорошей смертью ~~испокоен~~ ~~всех~~.

«Сдается мне, паны-братья, умираю хорошей смертью. Пусть цветет вечно земля русская! — сказал смертельно раненный Балабан. Добрую память оставил о себе храбрый Кукубенко. «Благодарю бога, — сказал он, расставаясь с жизнью, — что

довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи. Пусть же после нас живут еще лучше».

Пример того, как надо любить Родину и умирать за нее, если уж это неизбежно, показал сам Тарас. Поднятый высоко на дерево и прибитый к нему гвоздями, он смотрел не на огонь, что раскладывали под ним, а в ту сторону, где отстреливались его боевые друзья, и не смерти, не мук страшился старый атаман, а того, как бы не погибли его товарищи. Сверху ему было все видно, и он крикнул им, что нужно было делать, и спас их.

А между тем огонь делал свое дело, мучения увеличивались, нарастали... «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!» — заключает писатель, подчеркивая тем самым стойкость, доблесть и мужество русских людей. Такую страну, такой народ нельзя победить. Потомки Тараса доказали это не в одной войне против иноземцев.

Беллчайшим образцом героической эпопеи назвал Беллинский это истинно народное, патристическое произведение. Не менее дивны и остальные творения Гоголя, даже самые первые, о которых в 1831 году, в год их выхода, великий Пушкин дал такой восторженный отзыв: «Сейчас читал «Вечера близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая веселость... А местами какая поэзия!... Все это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился».

Чернышевский назвал этот необыкновенный период в литературе гоголевским и посвятил ему целую серию замечательных статей. «Давно уже, — писал он, — не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь».

И это так. Гоголь очень важен для своего народа. На дальнейшее после Пушкина развитие отечественной литературы он оказал исключительно большое влияние. Салтыков-Щедрин, Достоевский, Гончаров и многие другие виднейшие русские писатели вышли из школы Гоголя.

Гоголь важен еще и потому, что своими дивными творениями содействовал самосознанию России, дав ей возможность взглянуть на самое себя, как будто в зеркале. И каждый увидел особенно ясно, что в России тех дней «нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей». (Беллинский). Великий писатель выставил их для всеобщего обозрения и осуждения в «Ревизоре» и «Мертвых душах». «Боже, до чего грустна наша Россия», — сказал Пушкин, прослушав первые главы «Мертвых душ». «А это скажет народ?» — бесположилсь

выставленные на показ представители правительства и все чичиковы, ноздревы, маниловы, тяткины-ляпкины, антоны антонычи, шпекины, держиморды, бобчинские, добчинские...

Гоголь указал своим современникам путь, по которому должна развиваться национальная литература, и нанес сокрушительный удар по любителям искусства иноземного. И напрасно правительство ограждало юношество от его влияния, негласно запрещало иметь его произведения в учебных заведениях, администрация которых безоговорочно увольняла преподавателей за одну попытку организовать библиотечку русских классиков, даже за рекомендацию прочитать такого-то. Но школа Гоголя была сильнее правительственных запретов. Об этом рассказывает в «Дневнике семинариста» поэт И. Никитин.

— Так вот кто этот Гоголь! — воскликнул семинарист, прочитав «Мертвые души». — И об этом-то Гоголе одному из наших наставников угодно было выразиться, что произведения его пахнут кухней и конюшней. Ну, нет, почтеннейший наставник! Уж на этот раз позвольте с вами не согласиться. Чичиков, Плюшкин, Ноздрев — это такие личности, которые никогда не выйдут из моей памяти. Читая книгу, мало того, что я их вижу, — мне кажется, я их осязаю, чувствую их дыхание.

Огромное влияние оказал силою своего таланта Гоголь на русскую литературу XIX века. Росли писатели, воспитанные им, пробивала путь к читателю и становилась его вечным другом прогрессивная книга. Велико значение его и в наши дни. Ошибка, которую он совершил, выпустив в свет книжку «Выбранные места из переписки с друзьями», не может умалять его заслуг перед страной, где слова «товарищ» и «товарищество» были самыми любимыми, самыми гордыми словами еще при Тарасе Бульбе, ибо для нашего народа никогда не было и не будет «уз святее товарищества».

Гоголь — слава нашей Родины.

А. ПЕТРОВ,